

Раздел 1. Проблематика и поэтика мировой литературы

УДК 821.111-1(73)

doi 10.17072/2304-909X-2025-21-5-13

РА-СЕТ: НОВАЯ БОГИНЯ В ПОЭМЕ

Э. ПАУНДА “THE CANTOS”

Людмила Викторовна Братухина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

Статья посвящена рассмотрению образа «принцессы Ра-Сет» (“The Princess Ra-Set” [Pound 1975: 611]) в поэме Э. Паунда “The Cantos”. Анализируются упоминания этой вымышленной богини в текстах различных песен (Canto XCI, XCII, XCIV, XCVIII) из циклов «Рок-Дрилл» и «Престолы». Особое внимание уделяется Canto XCI, в котором персонаж появляется впервые. В контексте каждой из анализируемых песен прослеживается связь имени и атрибутики Ра-Сет с неоплатоническим сюжетом, значимым для всей поэмы в целом: устремление Души к созерцанию Единого и непостоянство достигнутого экстаза. Отмечается двойственность семантики имени придуманной Паундом богини, сочетающей в себе солнечное божество и божество, становящееся в Египте воплощением всяческого зла. Также рассматривается возможность столь парадоксального сочетания имен вымышленной богини, исходя из традиций древнеегипетской мифологии, сохранившей отдельные признаки изначальной солярной семантики культа Сета.

Ключевые слова: Э. Паунд, “The Cantos”, Ра-Сет, Плотин, неоплатонизм, Мировая Душа, Нус, Единое, Елена Тирская, Феодора.

Э. Паунд – один из представителей литературы XX столетия, творчество которого ярко демонстрирует характерный для эпохи «культ мифа», отмечаемый исследователями [Мелетинский 2000; Саруханян 2002; Можаяева 2002]. Я. Пробштейн усматривает в поэме “The Cantos” свойственный зрелому Паунду мифологизм как «способ мышления, позволяющий выявить в образе, символе или архетипе такое отношение ко времени, пространству и бытию, благодаря которому воссоздается картина мира». Основан подобный способ мышления не на «достоверности

пересказа мифологических сюжетов», а на «трансформации, метаморфозе или даже транспонировании мифа, то есть как бы разыгрывании мифа в другом месте и времени, или деконструкции мифа» [Пробштейн 2003]. Подобный мифологизм можно охарактеризовать как «новое мифотворчество» [Саруханян 2002: 285], продуцирующее новые мифологические образы как составные элементы «специфически организованной понятийной системы» [Можаева 2002: 305].

Целью настоящей статьи является рассмотрение одного из подобных «новых» мифологических образов, отражающих неоплатоническую систему понятий. Преимущественно она представлена в “The Cantos” персонажами древнегреческой мифологии, однако, продолжая исследовать пласт древнеегипетских аллюзий в поэме¹, обратимся примеру мифотворчества на материале именно этой культуры.

В песнях XCI XCII XCIV, XCVIII поэмы “The Cantos” повторяется имя некоей «принцессы Ра-Сет» (“The Princess Ra-Set” [Pound 1975: 611]). П. Либритс, автор монографии «Эзра Паунд и неоплатонизм» так характеризует эту загадочную фигуру: «богиня Солнца-Луны и Добра-Зла (собственное изобретение Паунда)» [Liebregts 2004: 307]. А. В. Бронников комментирует имя Ра-Сет схожим образом: «“египетская богиня”, выдуманная Паундом. Ее имя состоит из имени бога солнца Ра и бога тьмы Сета»² [Бронников 2018: 843]. Рассмотрим каждый из случаев появления этой богини в тексте “The Cantos”.

Впервые имя Ра-Сет встречается в Canto XCI из цикла «Рок-Дрилл» (*Rock Drill de los Cantares LXXXV–XCV*, 1953–1956), наиболее насыщенного египетскими аллюзиями по сравнению с другими частями поэмы Паунда. Канто начинается с музыкального центона: фразы, составленной из произведений трубадуров Гильома де Пуатье и Бернарта де Вентадорна (“ab lo dolchor qu'al cor mi vai” [Pound 1975: 610]), сопровождаемой квадратной нотацией, отражающей средневековый способ записи музыки. Перевести ее можно как: «со сладостью, которая наполняет мое сердце...». Отметим, что первая половина фразы взята из известной кансоны Гильома Пуатье, которая начинается с картины прихода весны, символизирующей возрождение природы и возобновление любовных надежд лирического героя: «Со сладостной весной / расцветают леса, и птицы / поют каждая на своем языке, / согласно стиху новой песни... С нашей любовью происходит то же, / что с веткой боярышника, / которая дрожит на дереве / ночью, в дождь и в холод, / до следующего дня, когда солнце расстилает свои лучи / по зеленым листьям и веткам» [Провансальские трубадуры в переводах Оксаны Пахлевской 2011: 91]. Вторая же половина фразы отсылает к произведению Бернарта де Вентадорна, заканчивающемуся на трагической ноте, когда, согласно желанию своей

дамы, лирический герой отправляется в изгнание и удаляется от радости и любви. Паунд же заимствует выражение из самого начала кансоны, где трубадур словно сравнивает себя с жаворонком, бьющим крыльями от радости навстречу солнечному лучу, но также говорится о возможности упасть, позабыв махать крыльями [Bernart de Ventadorn 1984]. Это перекликается с образом одного из откровений, переживаемых героем поэмы Данте в Раю: «Как жаворонок, в воздух вознесенный, / Песнь пропоеет и замолчит опять, / Последнею отрадой утоленный, / Такою мне представилась печать / Той изначальной воли, чьи веления / Всему, что стало, повелели стать» [Алигьери 1967: 402]. Таким образом, этим своеобразным эпиграфом Паунд завуалированно задает сюжет всего канто: устремленность к созерцанию некоей высшей реальности, особую роль любви как проводника созерцающего субъекта и непостоянство пребывания в состоянии откровения в силу несовершенства его природы, которая может способствовать его падению из высших сфер.

После этой музыкальной аллюзии в тексте канто следует очень образная трактовка неоплатонической³ идеи экстатического созерцания эманации Ума из Единорога: “that the body of light come forth / from the body of fire / And that your eyes / Came to the surface / from the deep wherein they were sunken” [Pound 1975: 610].

«Принцесса Ра-Сет» в Canto XCI упоминается в контексте неоплатонических символов, систематически повторяющихся в поэме Паунда: “The Princess Ra-Set has climbed / to the great knees of stone, / She enters protection, / the great cloud is about her, / She has entered the protection of crystal / *convien che si mova / la mente, amanda* (XXVI, 34) / Light & the flowing crystal / never gin in cut glass had such clarity” [Pound 1975: 611]. Это образы света, кристалла⁴, а также, посредством цитаты из XXVI-й песни Рая «Божественной Комедии», указание на экстатическое созерцание света (ср. «Поэтому к Прасути, столь прекрасной, / Что все блага, которые не в ней, – / Ее луча всего лишь свет неясный, / Должна с любовью льнуть всего сильнее / Душа того, кто правду постигает» [Алигьери 1967: 428–429]). Последующие упоминания Ра-Сет в тексте этого канто вновь оказываются связанным с образами света и кристалла, как метафоры Ума-нуса и его проникающей энергии, льющегося сияния: “Ra-Set over crystal / moving / in the Queen's eye the reflection” [Pound 1975: 612]; «the light: flowing, whelming the stars / In the barge of Ra-Set / On over of crystal” [Pound 1975: 612].

П. Либрите, анализируя Canto XCI, относит «принцессу Ра-Сет» к ряду «женщин Любви» (“women of Love”), упоминаемых в его тексте таких, как королева Елизавета I, Елена Тирская, жена императора Юстиниана Феодора, Артемиды. Эти женщины, по мнению исследователя,

все вместе воплощают «идею или форму “Царицы (Королевы)”, олицетворяющую саму Любовь как средство проникновения в Кристалл» [Liebrechts 2004: 307]. Соглашаясь с этим утверждением в принципе, уточним, что образ этой Царицы-Королевы может быть сопоставлен с неоплатоническим понятием Мировой Души. Так, исследователи трудов Плотина отмечают: «Мировая Душа выступает связующим звеном между сверхчувственным и земным мирами, оставаясь целостной, неделимой» [Васильев, Лобов 2008]; «Душа...отпрыск божественного интеллекта. Она – двоица: есть внутренняя душа, настойчиво стремящаяся к нусу, и другая, которая обращена вовне. Последняя связывается с нисходящим движением, в котором душа порождает свой образ, а он и есть природа и мир чувств» [Шлемова 2012: 146].

Одна из названных выше «женщин Любви» – Елена Тирская – словно бы воплощает подобную двойственность. По сообщению Ирины Лионского, эта женщина выдавалась неким Симоном-волхвом за первую Мысль (εννοία), мать всех вещей, нисшедшую в низшие сферы, породившую тварный мир и некогда бывшую Еленой Троянской (Iren. Adv. her. I. 23. 2; ср. Tert. De an. 34, 2–4). Паунд упоминает ее в таком контексте, который позволяет интерпретировать ее как сотворенную философами Пифагором и Океллом: «Helen of Tyre / by Pithagoras / by Ocellus» [Pound 1975: 610]. О Елене, дочери Тиндара, оплакивающей увядание своей красоты говорит Пифагор в «Метаморфозах» Овидия (Ov. Met. XV, 232). Эта постаревшая «Елена Пифагора» может служить одним из примеров оппозиции бессмертной души и изменяемой, тленной и смертной материальной оболочки, важной идеи самосского философа, согласно Овидию. «Елену Окелла» можно понимать как персонафикацию сексуальности из его «учения о продолжении потомства» [Лосев 2000: 57]. Двойственный характер Елены Тирской-Троянской проявляется в этом образе в том, что она, долженствуя, согласно морализаторскому учению Псевдо-Окелла, иметь своей целью бесстрастное зачатие и деторождение как причащение человека к бессмертию [Лосев 2000: 58–59], может быть и одним из ярчайших антипримеров страстного похотливого поведения, нарушающих гармонию семейного очага и мира в целом. Упоминая столь спорную с точки зрения учений Пифагора и Окелла фигуру рядом с именами философов, Паунд может намекать на скрывающуюся в образе непонятной спутницы Симона Волхва Мировую Душу, нисшедшую до чувственного мира, но способную, следуя их учениям, выйти из падшего состояния, раскрыв свою сущность [Jonas 2001: 106–108].

Еще одна прекрасная дама из этого списка – императрица Феодора – оказалась неоднозначно оценена в сочинениях современников: Прокопий Кесарийский в подробностях повествовал о её распущенности, бесстыдстве и цинизме (Тайная история IX), Иоанн Эфесский характеризовал ее как «горевшую ревностью Божьей» (Церковная история 4,6), в житии Юстиниана сообщается о том, что Феодора, «которая была сначала грешницей, но потом раскаялась и провела остаток жизни в чистоте и благочестии», причислена к лику святых. Такая двойственность коррелирует с идеей Плотина о разделении Любви на земную и небесную: «там (в умопостигаемом мире) – Афродита небесная, а здесь она оказывается обычной, вроде как общедоступной. И всякая душа – Афродита, ...когда душа пребывает в согласии со своей природой, то есть, когда хочет сделаться одно с богом, она любит прекрасной любовью, какую испытывает дочь к своему отцу. Однако стоит ей, пришедши в становление, вроде как поддаться обманчивым обещаниям сватов, она, сменив эту любовь на другую, смертную, в отсутствии отца бесчинствует» [Плотин 2007: 301].

Как видим, паундовские героини⁵, соотносимые с образом Небесной Царицы, воплощают амбивалентность Мировой Души и свойственной ей Любви в ее земной и небесной ипостасях. Принцесса Ра-Сет – единственная из подобных героинь «выдумана» создателем “The Cantos” и, как представляется, автором ей отводится особая роль. В то время как выше упоминаемые женщины просто изображены на фоне статичной картины паундианского рая, Ра-Сет отражает динамику восхождения к свету и отпадения от его созерцания. Часть её имени и атрибут (ладья/барка) непосредственно связано с солнечным божеством – Ра, – ежедневно и еженощно совершающим движение по небесному и подземному Нилу, ежедневно являющим солнечный диск из тьмы. Кроме Canto XCI принцесса Ра-Сет появляется в Canto XCII: “Ra-Set in her barge now over deep sapphire” [Pound 1975: 618], а также в Canto XCIV: “The boat of Ra-Set moves with the sun” [Pound 1975: 641] и Canto XCVIII: “The boat of Ra-Set moves with the sun” [Pound 1975: 684]. В двух последних случаях ее упоминания сопровождаются высказыванием философа Окелла: “to build light” [Pound 1975: 642], “but our job to build light” [Pound 1975: 684], которое можно интерпретировать как цель путешествия Ра-Сет – деятельное устремление к созерцанию света как внутренней работы человека над собой для достижения возможности такого созерцания.

Вторая часть имени принцессы сопряжена с именем божества, ставшего в египетской мифологии воплощением всяческого зла («нарушителя легитимного порядка Египта и храмовых ритуалов; азиата-захват-

чика, нелегитимно претендующего на царскую власть; и убийцы Осириса» [Карлова 2016: 120], кроме того, творца хаоса и кровопролития [Карлова 2016: 127]). Исследователи истории египетской культуры отмечают, что подобное понимание образа Сета сформировалось только в Поздний период истории Древнего Египта (664–332 до н. э., XXVI–XXX династии). До этого Сет «как очень древнее и могущественное божество с самого раннего этапа развития своего культа обладал солярными чертами, о чем древнеегипетская традиция никогда не забывала» [Карлова 2014: 116]. Солнечная ипостась Сета «обладала особым значением в связи с утверждением царской власти и особыми качествами царя, которые он приобретал благодаря связи с Сетом» [Там же]. Солярная символика этого божества проявляется в его изображениях с солнечным диском над головой, что указывает на то, что «то Сет тождествен солнцу по своей природе». Один из египтологов, современник Э. Паунда, Б. Грдзеллофф в работе 1944 г., исследуя подобные памятники, вводит контаминацию «Сет-Ра» [Карлова 2014: 112], которой мог вполне воспользоваться автор поэмы “The Cantos”, переиначив ее в соответствии с собственной задачей: показать первичность Солнца-Единого и вторичность отпавшей от него сущности-Мировой Души. Сет у Паунда с учетом всех исторических изменений в египетской культуре довольно логично вписывается в эту аналогию, символизируя как отличность от Солнечного божества, так и соприродность ему.

Подводя итог, можно отметить, что образ придуманной Паундом «принцессы Ра-Сет» раскрывает одну из ключевых сюжетных линий всей поэмы “The Cantos”: устремление Души (лирического героя и Мировой) к созерцанию Солнца-Света Единого. В имени этой богини, следуя неоплатонической концепции, отражена амбивалентность Мировой Души, устремленной к Единому, но не способной пребывать постоянно в экстатическом состоянии в силу своей природы и потому вынужденной непрерывно повторять свой путь к свету, каждый раз вновь «создавать свет». Не меньшее значение имеет и скрытое в двойном (и с первого взгляда оксюморонном) имени принцессы указание на изначальную сопричастность к предмету ее устремлений: как Сет некогда был соляным божеством, так и Душа устремляется к тому, что некогда было ее началом.

Примечания

¹ См. Братухина Л. В. Культура Древнего Египта в поэме Э. Паунда «The Cantos» // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 20 (26). С. 45–54. doi 10.17072/2304-909X-2025-20-45-54

² Ср.: “The Princess **Ra-Set**: an Egyptian goddess, invented by Pound, from **Ra** (the sun god) and **Set** (the evil male deity)” [Cookson 2009: 194].

³ Плотин, упоминаемый в поэме целом ряде песен (XV, XCVIII, XCIX, C, CI), уподобляет солнце высшему в своей иерархии Единому-Благу: «...оно находится по ту сторону сущностей, оно запредельно и энергиям, и уму, и мышлению.... Благо должно пребывать собой, к нему же должны стремиться все, оно должно быть подобно центру круга, от которого [расходятся] все радиусы. Примером является также и Солнце, которое подобно центру для исходящего от него и зависящего от него света, ибо свет, конечно же, повсюду пребывает вместе со своим источником и нигде не отсечен от него» (Plotin. Enn. I, 7, 1; пер. древнегреческого Т. Г. Сидаша, Р. В. Светлова).

⁴ П. Либритс интерпретирует образ кристалла, появляющегося в различных песнях поэмы The Cantos (например, Canto XVII, XL, LXXVI) как воплощение неоплатонической категории Нус-Ум (в триаде Единое-Ум-Душа): «граненый воздух», позволяющий Душе созерцать Единое [Liebregts 2004: 305].

⁵ Мы не рассматриваем названных в монографии П. Либритса Елизавету и Диану, т.к. они не упоминаются Паундом напрямую в одном ряду с Еленой и Федорой. Их имена оказались в этом списке, очевидно, потому что упомянуты в Canto XCI.

Список литературы

Алигьери Д. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 629 с.

Бронников А. В. Аннотированный именной указатель // Эзра Паунд Кантос / пер., вступ. ст и комм. А. В. Бронникова. СПб.: Наука, 2018. С. 802–866.

Васильев В. А., Лобов Д. В. Плотин о добре, зле, добродетели // Социально-гуманитарные знания. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plotin-o-dobre-zle-dobrodeteli> (дата обращения: 27.10.2025).

Карлова К. Ф. Сет как Сет-Ра и его солнечная ипостась // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №14 (136). С. 111–118.

Карлова К. Ф. Образ бога Сета в древнеегипетской религии Позднего периода: на материале ритуально-магических текстов и памятников оазисов: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 2016. С. 273.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., Харьков: Фолио, АСТ. 2000. 959 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: «Восточная литература РАН». 2000. 408 с.

Можжаева А. Миф в литературе XX века: структура и смыслы // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. ИМЛИ РАН. 2002. С. 305–330.

Плотин Трактаты I–XI / пер. с древнегреческого Ю. А. Шичалина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 2007. 444 с.

Пробитейн Я. Вечный бунтарь // Эзра Паунд Стихотворения и избранные Cantos. СПб: Владимир Даль, 2003. URL: https://archive.org/stream/pound-ezra-cantos/Pound%20Ezra%20Cantos_djvu.txt (дата обращения: 20.10.2025).

Провансальские трубадуры в переводах Оксаны Пахлевской // Алисова Т. Б., Плужникова К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 159–169.

Саруханян А. П. Новое мифотворчество: У. Б. Йейтс и Дж. Джойс // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. ИМЛИ РАН. 2002. С. 284–304.

Шлемова Н. А. Философия как самопознание. Плотин // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2012. №2. С. 143–148.

Cookson W. A Guide to the Cantos of Ezra Pound. London: Anvil Press Poetry Ltd. 2009. 287 p.

Jonas H. The gnostic religion: the message of the alien God and the beginnings of Christianity. Boston: Beacon Press. 2001. 355 p.

Liebrechts P. Ezra Pound and Neoplatonism. Madison: Fairleigh Dickinson University Press. 2004. 461 p.

Pound E. The Cantos of Ezra Pound. London: Faber and Faber. 1975. 802 p.

de Ventadorn B. Can vei la lauzeta mover // Troubadour Songs and Medieval Lyrics. London: Hyperion Records Limited. 1984. URL: <https://www3.nd.edu/~ab-lachly/MUS20101/VentadornCanVeiLaLauzeta.html> (дата обращения: 01. 11.2025).

RA-SET: THE NEW GODDESS IN E. POUND'S POEM *THE CANTOS*

Ludmila V. Bratukhina

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature
Perm State University,

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

Loli28@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9577-6228>

Submitted 10.11.2025

This article examines the image of “The Princess Ra-Set” (Pound 1975: 611) in poem *The Cantos*. References to this fictional goddess in the lyrics of various cantos (Cantos XCI, XCII, XCIV, XCVIII) from the cycles *Rock Drill* and *Thrones* are analyzed. Particular attention is paid to Canto XCI, in which the character appears for the first time. In the context of each of the analyzed cantos, the connection between the name and attributes of Ra-Set and a Neoplatonic plot significant for the entire poem is traced: the aspiration of the Soul to contemplate the One and the impermanence of the ecstasy achieved. The article notes the dual semantics of the name of the goddess invented by Pound, combining within herself a solar deity and a deity who becomes the embodiment of all evil in Egypt. The possibility of such a paradoxical combination of names of a fictional goddess is also considered, based on the traditions of ancient Egyptian mythology, which preserved individual features of the original solar semantics of the cult of Seth.

Key words: E. Pound, *The Cantos*, Ra-Set, Plotinus, Neoplatonism, World Soul, Nous, One, Helena of Tyre, Theodora.

Пробьба сьсылаться на эту статью в руськоязычных источниках следующим образом:

Братухина Л. В. Ра-Сет: Новая богиня в поэме Э. Паунда “The Cantos” // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 21 (27). С. 5–13.
doi 10.17072/2304-909X-2025-21-5-13

Please cite this article in English as:

Bratukhina L. V. Ra-Set: Novaya boginya v poeme E. Paunda “The Cantos” [Ra-Set: The New Goddess in E. Pound’s Poem *The Cantos*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 21 (27), pp. 5–13.
doi 10.17072/2304-909X-2025-21-5-13